

18+ Авенир Декабрист

ЭРА РОЖ

роман с газетой

Авенир Декабрист

ЭРА РОЖ. Роман с газетой

«Издательские решения»

Декабрист А.

ЭРА РОЖ. Роман с газетой / А. Декабрист — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905601-6

Антон влюбляется в женщину, которая предложила ему стать редактором её газеты. «ЭРА РОЖ» бесит влиятельного богатого руководителя. И не напрасно! Он замышляет интриги против редакции. Какую же цель преследовала Надежда — основатель газеты? И кто такая Анна Корвет, которую никто не видел? А в газете — размышления о нашем обществе.

ISBN 978-5-44-905601-6

© Декабрист А.
© Издательские решения

Содержание

Красная глава	6
Глава осеннего парка	7
Глава третья. Материалы еженедельника «ЭРА РОЖ» №2	9
Цветы жизни: аромат и шипы	10
колонка редактора Что бы предпринять?!	11
Глава возмущения	13
Глава пятая. Материалы еженедельника «ЭРА РОЖ» №3	15
Школьная демократия	15
Глава шестая, про Шестова	21
Глава стучащих колёс	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

ЭРА РОЖ
Роман с газетой
Авенир Декабрист

© Авенир Декабрист, 2018

ISBN 978-5-4490-5601-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Красная глава

Звонок относился к семейству неожиданных.

– Да?! – выразил Антон внимание.

– Здравствуйте, Антон Робертович! Вас беспокоит Васнецова Надежда Генриховна. Вы обо мне не слышали, наверное, а я о вас знаю достаточно, чтобы обратиться с предложением.

– Вот как? – заинтересовался Антон.

– Знаете, не хочется тратить попусту время на вступления о погоде и прочей чепухе, поэтому я сразу о деле. Ничего, что я бесцеремонна?

– Разве это бесцеремонность? Вот мне недавно сунули под нос микрофон, и прокуренный девичий голос агрессивно поинтересовался, счастлив ли я? Конечно, я ценю время журналистов, но хоть какое-то вступление! Ваш случай – иной, и я с удовольствием послушаю ваше предложение, минуя формальности.

– Я учредила газету, точнее еженедельник, предлагаю вам, Антон Робертович, стать его редактором... – Удивленный Антон молчал с открытым ртом, и она первая продолжила разговор. – Знаю, что вы никогда не работали в СМИ, но я читала ваши статьи. Вы, безусловно, обладаете литературными способностями, вполне достаточными для профессиональной деятельности. И – самое главное для меня – у вас есть некоторые качества, обозначающие вас как неординарную личность, например, философско-юмористическое мировоззрение. Предлагаю встретиться завтра и обсудить.

– Где? – единственное, что нашелся сказать Антон в ответ на сногшибательное предложение.

Глава осеннего парка

Антон прогуливался по центральной аллее, неуклюже вертел в руках букет и раздумывал: уместны ли цветы при деловой встрече с незнакомой женщиной. Её он узнал издали по целеустремлённой походке и пошёл навстречу не торопясь, чтобы успеть рассмотреть неназойливым взглядом. Небольшая полнота лишь украшала её, подчеркивала женственность. Лёгкость и грациозность в движениях притягивали взгляд, заставляли любоваться. Некоторое замешательство возникло и в мыслях, принесло волнение. Антон успел сравнить возникшее, едва уловимое чувство с тем, что испытывал при первой влюблённости.

Оба остановились в нескольких шагах друг от друга, уверенные, что не обознались.

– Добрый день, Надежда Генриховна! Это – вам, – протянул Антон букет.

– Здравствуйте. Спасибо за цветы, Антон Робертович. – Она слегка «споткнулась» на отчестве, но продолжала смотреть в глаза собеседника внимательным оценивающим взглядом.

Антон понял, что его изучают и постарался незаметно ответить тем же. Надежде хватило пяти секунд; она посмотрела по сторонам и двинулась в направлении аллеи с акациями, оглянувшись, безмолвно приглашая за собой. Его заторможенность со стороны могла выглядеть нерасторопностью. Просто Антон раздумывал, а она догадалась, чем заняты его мысли.

– Знаете, Антон Робертович, извините, у меня язык заплетается на слове Робертович. Вот опять! Я уж буду обращаться по имени. Ещё раз извините!

– Ну, разумеется, так лучше даже, менее официально. Признаюсь, и я подумал, что к имени Надежда не совсем подходит Генриховна. Так что мы оба выигрываем в простоте общения.

После своих слов Антон вновь заметил лёгкую улыбку на лице спутницы и отметил непохожесть этой последней улыбки на предыдущую. «Сколько же у неё разновидностей улыбок? Неужто – неисчерпаемый запас?! Наверное, именно про таких женщин говорят, что они загадочны», – подумал он, а вслух произнёс:

– Надежда, вы – инициатор встречи, вам и слово.

– Основное я сказала по телефону. Прежде, чем спросить о вашем согласии, скажу о деталях. Информационных ресурсов хватает – что и где произошло становится быстро известным. Может быть, сделать упор на аналитику, опросы. Впрочем, если возьмётесь за дело – вам и карты в руки. Штат большой набирать не стоит: три-четыре корреспондента плюс вы – достаточно, чтобы раз в неделю вывернуть наш городок наизнанку.

Надежда замолчала на мгновение – словно почувствовала реакцию Антона на свои последние слова. Прежде, чем она продолжила, Антон успел отметить её пронизательность.

– С типографией договорилась. Раз в неделю будете передавать им материалы и всего-то. Я не стану вмешиваться, просить отчёт. Всё на ваше усмотрение.

«Сказала так, будто всё уже решено», – подумал Антон с долей иронии, а вслух сказал:

– Понимаете, Надежда, когда человек берётся за новое для него дело, он должен подумать о непредвиденных трудностях, с которыми ему будет сложно справиться. Я даже не догадываюсь, чего опасаться.

– Если вы, такой умный мужчина, смело высказывающий своё мнение, не можете найти какие-то преграды, значит их просто нет. – Она закончила фразу такой откровенной и обнадеживающей улыбкой, что Антону ничего не оставалось делать, как улыбнуться в ответ, выражая молчаливое согласие.

– Без сложностей не обойтись. Но вы справитесь, я уверена! – продолжила Надежда серьёзно. – И тут же легко перешла на шуточный тон: – Если не вы, то кто же?!

Антон молчал, не представляя, что ещё спросить о предстоящей работе. Надежда любовалась голубым небом, зелёными деревьями – осень лишь официально вступила в свои права.

– Моего отца называли Геннадием, – неожиданно продолжила она разговор. —

Он в юности был романтической натурой и, получая паспорт, изменил имя.

– Согласитесь, и это не лучший вариант, – не раздумывая сказал Антон и сразу добавил: – Извините, что-то я разошёлся с этими отчествами, словно и поговорить не о чём.

Надежда слушала задумчиво; остановилась, повернулась к нему вполоборота, подняла указательный палец и сказала, как показалось Антону, совсем не то, о чём думала.

– Надеюсь, что вы будете таким же бескомпромиссным и убедительным, как и в своих статьях, что публиковали раньше.

Он пожал плечами, сомневаясь, была ли это похвала или напутствие, потому ответил по-детски наивно:

– Постараюсь.

Глава третья. Материалы еженедельника «ЭРА РОЖ» №2

«Антомит» не манит *По следам нашего выступления*

Мы рассказали вам о предприятии «Антомит». В редакцию поступило много писем и звонков с вопросами, предложениями и обвинениями. Основная мысль обращений – изображение ситуации на предприятии только в радужных красках: объемы продукции, рынки сбыта, отчисления в бюджет. Никого не интересует большая текучесть кадров, мизерная зарплата рабочих, нарушения законодательства по охране труда, раздутый аппарат менеджеров. Я побывал в «Антомите», но разговора не получилось: руководство сослалось на занятость, едва услышав о теме беседы. Но мы к этому вернёмся. Р. Котов

Цветы жизни: аромат и шипы

Гуляю по городскому парку. Кроме надоедливо громкой музыки, бьющей из репродукторов на каждом столбе, повсюду слышны задорные и тихие, плаксивые и веселые детские голоса. Вот молодая мама, сидя на скамейке, качает младенца в коляске и крикливо отчитывает старшего – мальчика лет десяти – далеко не педагогическими выражениями. Я бы в той коляске не уснула! Впереди идут трое подростков, в их разговор органически вплетаются нецензурные слова. Делаю им замечание, а в ответ слышу, что все так говорят и, вообще-то, это их личное общение и никого не касается, а если кому-то не нравится – пусть уши затыкают. Никто меня не поддерживает, только оглядываются любопытные. Замечаю в стороне женщину лет сорока и ее спутницу – по всем признакам дочь. Они не спеша идут, взявшись за руки, часто встречаются взглядами, тихо беседуют. Спокойствие и умиротворение передается и мне. Присаживаюсь на скамью и начинаю рассуждать.

Отчего у детей появляются качества, которые мы у них видеть не желаем? Очевидно, что дети учатся у взрослых, впитывают с рождения всё многообразие жизни. Порой кажется, что не только человеческой – звериная жестокость, к примеру. Мы все являемся учителями. Но ведь любому делу нужно учиться, тем более искусству воспитывать! Получается, что большинство мам и пап учились у бестолковых учителей (не школьных). Отсюда непонимание детской психологии, неумение находить общий язык с детьми. Я бы ввела такой порядок: подаёте заявление в ЗАГС – пройдите курсы для молодых родителей!

Но семья не единственный воспитатель в современном мире, есть ещё школа, средства массовой информации и ... «подворотня», наконец. Начну с последней. Мне кажется, что в подворотне учатся те, кто не нашёл ответов в других инстанциях. Налицо полное отстранение государства от политики воспитания, педагогические ошибки родителей, просчёты школьных учителей и безответственная вседозволенность средств массовой информации. А современная школа, какая она? «знайка» или «человек» – что важнее в воспитании ребёнка?

Приглашаю к обсуждению этой темы всех наших читателей. Давайте вместе искать рецепты, как не уродовать с самого рождения человеческую натуру. Анна Корвет

колонка редактора Что бы предпринять?!

В последнее время на государственном уровне много говорится о поддержке малого и среднего бизнеса. Что думают об этом обычные граждане? Выясню это на улицах у случайных прохожих. Замечу сразу, разговор со всеми начинаю вот такой фразой: «Здравствуйте! Не согласитесь ли сказать несколько слов для газеты?» На мой взгляд, вполне корректно и вежливо. Но встречались и такие ответы: «Да пошёл ты!» или «Чё надо?» Всё же о культуре речи поговорим в другой раз, а сейчас назову мнение представителей разных слоёв общества.

Бухгалтер Светлана считает проблему бизнеса запущенной, брошенной на самотёк. Государству, по её мнению, следовало изначально устанавливать продуманные правила ведения бизнеса, со всенародным обсуждением. А то ведь бросили клич: «обогащайся, кто как может!» и всё! Конечно, за два десятка лет изменения в процессе государственного регулирования происходили. Времена дикого бизнеса прошли, но неудовлетворённости хватает у всех: и у предпринимателей, и у потребителей. Благодарю Светлану и подхожу к молодой девушке, как оказалось – студентке. Кира учится на пятом курсе экономического факультета. Почти эксперт, думаю. Собеседница говорила охотно, в основном о своих мечтах. Желает создать салон модной одежды, привлечь модельеров. Вот бы кто-нибудь спонсировал! Да, девушка пошла не в тот ВУЗ. Домохозяйка лет пятидесяти (посчитала не важным называть имя) к бизнесу относится отрицательно, если рассматривать его как частное делопроизводство. Изобилие товаров в магазинах не особенно радует, когда задумываешься о качестве. Ядовитая водка, бесполезные лекарства, неизвестно чем нашпигованная колбаса, универсальная добавка пальмовое масло – это только начало бесконечного списка претензий.

Следующий собеседник – пенсионер Иван Петрович – продолжил её размышления, делая обстоятельные выводы: «У нас в стране капитализм возник не в результате развития, становления, как во многих странах, а как бы „вдруг“. И крупные собственники появились сразу, не пройдя этапа взращивания своего дела. Многие из них не создавали ничего, не трудились напряжённо. Можно сказать, с неба свалилось богатство. Большинство предпринимателей занимаются своим делом лишь потому, что оно прибыльно, или если ниша рынка не особенно конкурентная. Торговлю мясом или овощами вряд ли можно считать призванием. Частник, даже если получает большую прибыль, редко задумывается о новшествах. К примеру, небольшая авиакомпания разве станет покупать новейшие самолёты – летают старые и ладно, лишь бы прибыль была. Вот, почему в стране приватизация расширяется? Считается, что частное производство более эффективно. Давайте разберёмся – почему? Хозяин более заинтересован в успехе своего дела, чем назначенный государством руководитель. Он будет не восемь часов думать о производстве, а все двадцать четыре: как не обанкротиться, не отстать от конкурентов. Но разве это решающий фактор? Думаю – нет! Когда государство создаёт предприятие, учитывает развитие инфраструктуры, необходимость дать социальные гарантии работникам и так далее. А у частного зачастую даже охрана труда на последнем месте. Государству приходится выполнять свои обязательства, даже если производство убыточно. А частнику лишь бы выжить. И если один предприниматель обанкротится – придёт другой. То есть конкретный вид деятельности постоянно существует. Мы говорим об эффективности, а там – сломанные судьбы. Предприниматель рассчитал будущее дело, взял кредиты, а кто-то другой более дальновиден – в итоге первый прогорел, всего лишился. И ещё об эффективности: частное производство более эффективно для... самого частного, а не для государства. Простейший расчёт: государственный объект выдал сто единиц продукции, а частный, допустим, триста (в три раза эффективней). Из этих трёхсот единиц заплатит налог в пользу государства – тридцать девять единиц (тринадцать процентов). Так что государству выгоднее иметь: сто или тридцать девять. Вся эффективность оседает в карманах частных. И какая от этого польза пенсионерам, бюд-

жетникам?! Наконец, почему природные ресурсы, которые никто не создавал, должны работать на небольшую часть населения страны?! Я лично не против, а даже приветствую частное предпринимательство в сфере услуг, в лёгкой промышленности. А нефть, газ, уголь, древесина и тому подобное должны принадлежать всем. Основные виды транспорта тоже необходимо контролировать государству, как собственнику». Вот так уверенно и обстоятельно высказал своё мнение Иван Петрович. Видимо много размышлял об этом.

И, как всегда, приглашаем к обсуждению читателей.

Глава возмущения

В приёмной Генерального директора «Антомита» Белоглазова собрались ожидающие его партнёры и подчинённые.

Особо нетерпеливые то и дело обращались к секретарю Ларисе (утончённая элегантность – такое определение сделал ей шеф, намекая на худобу), но и она не знала, когда появится босс.

Неожиданно резко распахнулась дверь кабинета. Плотный, но подтянутый и мускулистый (лишь живот немного выпячивался) Белоглазов появился в проёме взъерошенный и покрасневшийся.

– Так вы здесь... уже, оказывается? Начала Лариса, но заткнулась от предостерегающего взгляда.

– Заходите все, – сказал Викентий Елистратович, а сам остался стоять у двери, лишь чуть посторонился. Когда в кабинет уже вошли несколько человек, директор прошёл к своему «трону» (так называли его неслыханно дорогой стул). Он окинул вошедших взглядом, потом объявил неожиданное для всех решение: – Заседание проводить не будем. Принимать отчеты сегодня не стану. Всё – завтра. Шестов остается, остальных не задерживаю.

Привыкшие к неукоснительному соблюдению требований Генерального, посетители покидали кабинет. Лариса глядела на выходящих людей и опытным взглядом заметила среди них женщину, которой не было в приемной вместе с другими ожидающими. «Значит, она находилась в кабинете вместе с Викентием. Вдвоем! Поэтому он и пригласил на минутку всех, чтобы она вышла в толпе не примеченной. Но, не для меня!» – сделала вывод Лариса. Довольная собой, она стала возбуждённо переговариваться с «Петькой» – молодым человеком по имени Виталий. Он был кем-то вроде ординарца при директоре, и, по меткому определению одного остролова, напоминал чапаевского Петьку – отсюда и прозвище.

– Пе... Виталья, а вот скажи, – Лариса старалась говорить как можно ласковее, – много ли любовниц у шефа?

– Тебе-то зачем знать? Не думаю, что ты стремишься влиться в их число.

– По-нятно. Значит, их много. – В её памяти промелькнуло воспоминание о событии, когда она едва не пополнила «копилку» Викентия. Тогда Лариса быстро успокоила его напористость всего одной фразой: «Я нужна вам всего на одну ночь или же на долгую плодотворную работу?»

– Я не говорил такого, потому что не знаю, – поспешно заверил Виталья, словно остерегаясь ляпнуть лишнее.

– Сказал-сказал!

«Дзинькнул» сигнал переговорного. Лариса нажала кнопку и услышала в миниатюрном наушнике вопрос Белоглазова:

– Почта была?

– Несу! – Взяла со столика кипу бумаг и вошла в кабинет. Директор и его ближайший помощник по особым поручениям Олег Шестов стояли у окна, напротив друг друга. Замолчали и посмотрели на секретаря. Лариса водрузила почту на рабочий стол Викентия, – вот, – и, не услышав иных приказаний, вышла.

Генеральный подошёл к столу, перевернул принесенные бумаги, взял в руку газету и потряс ею в воздухе.

– Ещё одна такая лежит у меня в столе. Сам я не читаю газетёнок – время терять жалко! Знакомый подсказал, поинтересуйся мол, что про вас пишут. Вот, читай, – Белоглазов развернул газету так, что перед глазами Шестова оказалось название. – Эра рож, называется. Видишь?! Что это означает? По-другому, понятливей, вроде как «время уродов». У кого рожи?

Только у уродов. Это кто уроды? Мы, что ли, с тобой уроды? Это я, хозяин многого, урод? Кто позволил этим писарчукам оскорблять уважаемого человека?! – Он багровел лицом и продолжал махать газетой перед Олегом, словно тот и есть «писарчук».

Викентий Елистратович, надо отдать ему должное, умел моментально успокаиваться, отвлекаясь на конкретные дела. Он сел за стол, знаком указал на стул, достал из ящика своего стола газету, протянул её собеседнику.

– Прочти, чтобы быть в курсе, так как тебе поручаю разобраться с этой «рожей эры».

– В смысле? – произнес недоумевающий Шестов, не решаясь задать более конкретный вопрос.

– Там указан автор писанины про наш комбинат – некто Котов. Разузнай: кто этот Котов, чья газетка, одним словом – кто за всем этим стоит. Поговори, сделай внушение, чтоб думали, прежде чем лезть в чужие дела. Как сам понимаешь, я должен остаться в стороне. Включи мозги и поаккуратней, поинтеллигентней.

Если бы Шестова видела в этот миг Лариса, она бы сказала, что он ошалел. А директору состояние подчиненных было просто неведомо. Дал указание и всё тут!

– Ну, ступай! Надеюсь на тебя! – услышал Олег напутствие Белоглазова.

В приемной никого не было и Шестов решил посоветоваться с Ларисой – она могла дать толковый совет. Но её вызвал босс, и Олег не стал ждать.

Глава пятая. Материалы еженедельника «ЭРА РОЖ» №3

Школьная демократия

Продолжая тему, поднятую в предыдущих номерах, ищу ответы в школе. Не буду называть конкретную, в которой побывала: мой визит не был журналистским расследованием или проверкой (газета – не контролирующий орган). Имена собеседников сочла нужным изменить.

Первая беседа состоялась за оградой школьного двора. Четверо учащихся, на вид восьмых-девятых классов, среди них одна девушка, расположились за развесистым деревом (не видны с крыльца главного входа) и курят, не прерывая оживлённую беседу. Издалека слышала лишь два неприличных слова, а когда подошла ближе – разговор оборвался. «Это – уже неплохо, – подумала я, – бывает, что не стесняются!»

– Здравствуйте, молодые люди! Можно поинтересоваться: вы из этой школы?

– Да, а что?

– А я из газеты. – Достаяю и включаю диктофон на глазах у них. – Хочу поговорить с вами, узнать ваше мнение о том, что окружает всех, и вас в том числе, в нашей повседневной жизни. Вы ведь не заняты?! Отдыхаете, так сказать.

– У нас скоро перемена заканчивается, – говорит девушка, видимо не расположенная отвечать на предугадываемые ею вопросы, и бросает в сторону-назад сигарету.

Я решила не спрашивать о курении, хотя часто интересуюсь у молодых, откуда у них эта мерзопакостная потребность – травить себя ядом, получая при этом удовольствие сомнительного качества. Я тоже умею предугадывать, и зная, что бы мне ответили на вопрос о курении, сразу начинаю с интересующего меня понятия:

– Скажите, ребята, что в вашем понимании означает демократия, и как конкретно она проявляется в школе? – Молча смотрят на меня с недоверием. Тогда ободряю их: – смелее, это не экзамен, а просто беседа.

– Это – свобода самовыражения: можно смело высказывать своё мнение, делать что хочешь, если, конечно, не криминал, – начинает один (имена я не стала спрашивать специально) и смеётся над серьёзностью своих слов.

– Да какая демократия! – перебивает второй. – Вот если бы я сам решал, ходить мне в школу или нет – тогда демократия, а так – тоталитаризм! – «спотыкается» на последнем слове.

– А твоё мнение? – обращаюсь к третьему подростку.

– В школе, да и везде, я думаю, есть немного демократии, а в основном сплошь законы, правила, нормы – это нельзя! сюда не лезь!

– А если эти «нельзя» и «не лезь» установлены не государством, а обществом за многовековую историю – это не демократия разве? – интересуюсь я.

Парни пожимают плечами. Девушка вступает в разговор:

– Чтобы рассуждать о чём-то компетентно, нужно серьёзно изучить этот вопрос, а мы ещё как следует политологию не изучали! Так что приходите через два года – в выпускном классе будем более подкованы. А сейчас извините: нам надо идти!

– Спасибо! Удачи вам! – напутствую вслед, при этом отмечаю, что в компании верховодит девушка.

Ребята уходят, «второй» оборачивается и с интересом смотрит на меня. Я следом за ними направляюсь в помещение.

Вхожу одновременно со звонком. Шумные передвижения превращаются в неуправляемую беготню. Вскоре коридоры пустеют. Подхожу к дежурным вахтёрам (две женщины неподалеку от входа), называюсь корреспондентом и высказываю желание пройти по школе. «Пожалуйста, – соглашается одна, – только директора в школе нет, а завуч занята». Иду дальше. Из столовой выбегают трое мальчишек, жуют на ходу. За столами продолжают сидеть несколько учащихся. Присаживаюсь к двум девочкам, как оказалось – из шестого класса. У них на столе учебники.

– Девочки, здравствуйте! Можно вас отвлечь на несколько минут?

– Можно, – дружелюбно отвечает рыжеволосая. Вторая, с короткой стрижкой, смотрит недоверчиво. – Мы не торопимся, – сообщает первая, – нет урока.

– Скажите, за короткую перемену можно успеть всем пообедать?

– У нас на двух переменах обедают: после второго и третьего уроков.

– Они по двадцать минут, – добавляет вторая девочка.

– Но все, наверное, не успевают, ведь столько классов! В смене примерно человек пятьсот. Как вы умудряетесь проскочить через этот поток?

– Не всегда получается. Да ещё старшеклассники наглеют. Начальные классы учителя водят на обед, а мы – сами по себе. Иногда из дома берём бутерброды. А во вторую смену ещё хуже: столовая только до четырёх работает. – говорят поочередно.

– Со столовой понятно! Девочки, а теперь маленький вопрос: что такое демократия? В школе она есть?

– Ну, если страна считается демократической, то есть и в школе; везде должна быть, – неуверенно начинает одна, а вторая продолжает:

– У нас в школе есть президент – из учеников – и школьный Совет: туда избирают представителей из всех классов – учимся демократии, можно сказать.

– А этот ваш Совет реально решает что-нибудь?

– А как же! – убеждённо говорит рыженькая. – Например, расписание дежурств по школе, уход за зелёными насаждениями и ещё много разного.

– Так значит, демократия – это?.. – подвожу девочек к их пониманию демократии.

– Свобода выражать свои мысли... заниматься чем хочешь... ездить везде по стране и за границу... самому планировать свою жизнь, – поочередно вставляют они короткие фразы.

У входа в столовую останавливается учительница, судя по виду, смотрит на нас:

– Девочки, почему не в классе?

– А у нас пропуск, – отвечают чуть не хором мои собеседницы.

– А вы?

– А я корреспондент... из газеты.

– Тогда вам лучше к директору, – твёрдо и настойчиво говорит учительница.

– Сначала хотелось бы с детьми пообщаться, – убеждаю я.

– Что ж! – слышу неочевидный по смыслу ответ педагога; после чего она уходит, ещё раз взглянув на девочек.

– Это – завуч. Очень строгая! – говорит рыженькая.

– Не по годам! – совершенно серьёзно добавляет другая.

Я чуть не рассмеялась, а от широкой улыбки не убереглась. Потеряла психологическую нить беседы и не стала больше донимать учениц своими скучными вопросами.

– Спасибо, девочки, за приятную беседу! Вы мне помогли. Желаю успехов!

Выхожу из столовой, оглядываюсь назад: работники кухни, словно заподозрив нечто их касающееся, как по команде смотрят в мою сторону.

В коридоре навстречу идёт дежурная с вахты, останавливает меня:

– Здесь за углом, стоят директор и мама одного ученика. У них непростой разговор, я даже ушла, чтобы не мешать. Если желаете встретиться с директором – подождите здесь.

Алла Денисовна мимо пойдёт. Или идите сразу к выходу, не останавливайтесь. У них частые бескомпромиссные разговоры.

– Спасибо! Хорошо, я подожду. – Подхожу ближе к углу коридора, в надежде подслушать беседу. «Такая уж работа у меня!» – мысленно оправдываю себя.

– От меня хотите? – слышу я окончание фразы директора.

– Такой уж он уродился: вертлявый, непоседливый. Когда повзрослеет – может исправиться.

– А учителю что? Ждать и терпеть... в ущерб другим ученикам?

– Извините, но во всех документах по образованию говорится об индивидуальном подходе к каждому ребёнку! – говорит, чуть повышая голос, мама какого-то «шалопая».

– В классе двадцать пять учеников; нужно за сорок минут спросить пройденное, рассказать новый материал, да ещё найти подход к каждому – это сколько времени потребуется на урок?!

– Во-первых, не я эти законы устанавливала; во-вторых, виновата сама Зоя Станиславовна, потому что держит их в напряжении весь урок и на переменах не даёт расслабиться. А для детей очень важно чередовать физические и умственные нагрузки. Они просто не могут отсидеть урок сложа руки, не шевелясь и не моргая, глядеть на учителя – особенности физиологии детского возраста.

– Зоя Станиславовна очень хороший учитель!..

– Не спорю!

– Она стремится дать как можно больше знаний, и большинство детей сидят и работают весь урок!

– Дети разные. Даже если двадцать справляются, а всего пятеро устают, то что – наплевать на их здоровье?! Кстати, в уставе школы тоже записан основополагающий принцип обучения: не навредить здоровью учащихся!

– Знаете, школа должна не только санитарные нормы и правила выполнять, да ещё кучу других требований, но и не забывать про главное: давать тот объём знаний, который заложен в программе. А это не просто! Не все сразу всё понимают, мешают другим слушать, и безобразничают порой. И со всем этим учитель должен справиться!

– Я всё понимаю – дети сейчас такие! Ну, не требуем мы – родители – прямо-таки неукоснительного соблюдения всех инструкций! Но, если ребёнок приходит со школы сильно утомлённый, зачем на дом задавать одних только примеров двадцать штук, да ещё стихотворение выучить. Давно ведь известно, что чересчур многократное повторение чего-либо только вредит усвоению. И в спорте, кстати, и в учёбе тоже, главное – не перетренироваться. Два-три примера вполне хватит.

– Значит, вам не нравится, что много задают на дом? Ещё какие претензии?

– Дети на переменах должны двигаться, а не сидеть и дорешивать задачки. В классе духота, а проветривать нужно при любой погоде.

– Я вас поняла. Проверю, как педагог соблюдает свои обязанности. На ближайшем родительском собрании продолжим эту тему. Мне пора. До свидания.

Слышатся шаги в мою сторону, и я иду навстречу.

– Алла Денисовна! Можете уделить минуту? Я – корреспондент газеты «ЭРА РОЖ».

Сосредоточенный и задумчивый вид директора не сразу преобразуется во внимание. В конце затребованной мною минуты она наконец спрашивает:

– И?

– И мне хотелось бы присутствовать на уроке по обществоведению у старшеклассников.

– Смотрите расписание и разговаривайте с учителем. А я – не против. Всего доброго!

Через двадцать минут оказываюсь на уроке истории в десятом классе. Молодой преподаватель Илья Кузьмич с восторгом принял моё предложение. Он объявил, кто я такая и под

восторженные возгласы заменил тему урока на беседу с журналистом. Сижу за учительским столом и думаю, с чего начать. Начинают они:

– А вы точно про нас напишите?

– Илексику нашу сохраните? У нас свой сленг или жаргон – кто как поймёт!

Итак, тема объявилась сама.

– Ребята, а почему вы считаете, что разговаривать на литературном языке, хотя бы в школе, не обязательно? Неинтересно? Или другие причины? Например, в театре вы же не станете громко и развязно говорить, бегать, толкаться, потому что понимаете: это не только неприлично, это – дурной тон. То же самое касается и языка... Слушаю вас, называйте свои объяснения.

– Я думаю, литературный русский язык устарел для современной жизни.

– Потому что темп жизни ускоряется и нет времени на всякие вступления, вежливые обращения и прочей ненужной чепухи. Не буду же я говорить первоклашке: мальчик, пожалуйста отойди в сторонку, не стой на проходе, а то я своим плечом могу нечаянно тебя зацепить и опрокинуть. Достаточно одного слова «брысь!»

– Можно коротко сказать «посторонись», но не «брысь» же! – замечаю я.

– Можно, но не доходит сразу. Чем крепче слово, тем оно эффективней воздействует.

– А что вы скажете в защиту нецензурных выражений, которыми некоторые из вас украшают свою речь, не стесняясь взрослых.

– Богатство русского языка! Некрасиво, конечно, но иногда не обойтись без ёмкого выражения.

– Нецензурная речь в общественном месте считается административным правонарушением, наказывается штрафом, – убеждаю учеников.

– Когда все взрослые перестанут материться, тогда и нам не от кого будет учиться. Что же никто никого не штрафует? Закон написали, а как его в жизнь претворить – законодатели не думают. Надеются на самовоспитание. Смешно и глупо.

– Резонно, – приходится согласиться мне. – Хорошо, поменяем направленность беседы: свободу выбора манеры вести себя, разговаривать вы связываете с понятием демократии? И что означает в вашем понимании это слово?

– Демократия – это форма политического устройства общества. Власть народа. Все знают, – заявляет бойкий подросток с озорными глазами, выдающими инициативную личность.

Тогда я обращаюсь к нему:

– Представь картину: идёшь ты по улице, куришь, сквернословишь, пристаёшь к девочкам – как это связано с властью народа?

– Напрямую – никак. Просто демократия предполагает свободу выбора из того, что не запрещено законами. Разве человеку нельзя курить на улице или знакомиться с девушками?!

– Я привела такой пример, потому что молодые люди часто ссылаются на демократию, совершая не совсем приличные поступки, не задумываясь о существовании моральных и нравственных норм или игнорируют их.

– У каждого поколения своя мораль! – вступает в разговор девушка, которая до этого смотрела в окно, словно её не интересовало происходящее в классе.

– Если молодёжь устанавливает свои нормы морали, то значит её не устраивают правила поведения старших поколений. Так? – спрашиваю у девушки возле окна.

– Молодость не отвергает полностью созданное предыдущими поколениями. Мы замечаем то, что не соответствует темпу современной жизни. Например, лет сто назад незнакомых людей представляли друг другу, знакомиться самим было неприлично. Сейчас такой способ вызовет смех. И подобных примеров можно найти достаточно.

– Что ж, соглашусь с вашим объяснением. Только жаль, что исчезают из употребления такие правила, как вежливость по отношению к старшим, внимательность к нуждающимся в помощи, защита слабых...

– Человек должен быть способным защитить себя сам, а не ждать помощи и сострадания, – снова говорит «бойкий».

– Не спорю. Но когда «семеро одного не бояться» – не по-человечески как-то! А в вашей среде часто бывают нападки толпой на одиночек со звериной жестокостью. В былые времена утопающих спасали, а сейчас снимают и в сеть выкладывают... В вашем возрасте нужно знать, что государство для того и существует, чтобы защитить каждого человека. Вот когда вы станете главной движущей силой общества, тогда будет в вашей власти возможность изменить и политические, и экономические, и нравственные законы. А пока вы должны соблюдать существующие порядки...

– А мы это понимаем и не распространяем свою модель поведения на всё общество. У нас – свой мир. Возможно, со стороны он выглядит вызывающе, но в явное противоречие с официальным строем не вступает! – убедительно выстраивает свою линию всё та же ученица у окна.

– Ваша позиция мне понятна. Не стану ни ругать, ни хвалить её... Давайте немного изменим направленность рассуждений о демократии. Как вы считаете, у людей (не важно какого они возраста) много возможности выбирать: как проводить свободное время, где учиться, где работать, какую музыку слушать и какие телепередачи смотреть?

– В отличие от наших дедушек и бабушек, у нас такие возможности на самом деле безграничны, – пафосно заверяет кто-то из задних рядов.

– А ты расскажи о своих планах на жизнь и попробуем разобраться, насколько велики твои возможности. – Ответа не последовало, и я продолжила: – Чтобы учиться в высшем учебном заведении нужны деньги, в отличие от дедушек и бабушек, которые учились бесплатно. Даже если и закончишь ВУЗ не факт, что найдёшь работу по нраву, а тридцать-сорок лет назад безработицы не было... И как проводить досуг вы чаще всего не выбираете: за вас уже выбрали те, кто наполнил развлекательными программами и телевидение, и сцену, и те же смартфоны. Потому-то вас и не тянет на серьёзное. Извините, но многие из вас как стадо занимаетесь тем, что делают другие: селфи, лайки, блоги и прочее пустое времяпрепровождение. Я не против достижений цивилизации. Но как же извечное стремление человеческой природы к творчеству, знаниям... а у вас?! Песни на три ноты и несколько слов... Туповатые приколы блогеров... Впрочем, извините, что-то я разошлась с критикой. Такое сейчас время...

– Современный мир отличается от того, что был ещё несколько десятилетий назад. Но он – современный! – заверяет кто-то.

– Слово «современный» имеет два значения: передовой, то есть совершенный, и нынешний. Так вот, нынешний мир передовым можно назвать разве что в области технического прогресса, и всё, пожалуй!

Илья Кузьмич своим педагогическим чутьём улавливает отсутствие у меня методичности в рассуждениях с ребятами и ненавязчиво вмешивается:

– Как я понимаю, Анне будет что написать в газету, а у вас, ребята, есть повод иногда задумываться и над собственным поведением, и о жизненных ценностях. Не желаете сказать напутствие в завершение беседы? – обращается он ко мне.

– Ребята, академик Курчатов (если не ошибаюсь) сказал, что в жизни нужно заниматься только самым главным, иначе на него потом может просто не хватить времени!.. Вы ещё так молоды, и вам кажется, что впереди вас ждёт долгая жизнь, что всё ещё успеете сделать. Вас не тревожит, что понапрасну тратите время на пустые разговоры и дела. А призадуматься стоит! Допустим, захочется кому-то из вас стать олимпийским чемпионом в таком виде спорта,

которым ещё не занимался. Но... поздно! В спорт нужно приходить лет с пяти. Время – единственное, что невозможно вернуть! Берегите его и удачи вам!

Уходя из школы, я размышляла о мире, в котором живут дети. Они находятся рядом со взрослыми, но одновременно как бы в параллельном мире, со своими законами. Ну а моё поколение, не находится ли оно параллельно миру старших поколений. Мы ведь тоже что-то потеряли или отбросили от переданного нам в наследство! Или не стоит так запутывать общественные отношения?! Как думаете вы?..

Глава шестая, про Шестова

Редакция газеты «ЭРА РОЖ» располагалась в пятиэтажном жилом доме: использовали обычную трёхкомнатную квартиру без перепланировки, только вход сделали отдельным, также со двора. Шестову пришлось несколько раз спрашивать у прохожих, прежде чем сумел отыскать «эту чёртову рожу».

В большой комнате бывшей квартиры стояли диван, десяток стульев, стол с компьютерами. За ним сидела девушка с маловыразительным серьёзным лицом.

– Приветствую... вас! – начал Олег разговор, вспоминая наказ быть поинтеллигентнее.

– Здравствуйте, что хотели, никого нет, – ответила сотрудница, не поднимая головы.

– Следовательно, вас тут тоже как бы нет. Правильно я понял? – съязвил Шестов, но на лице изобразил добродушие на всякий случай (вдруг посмотрит на него).

– Я-то здесь. А вот редактора и корреспондентов нет никого. После обеда будут. – Она неожиданно резко подняла голову. – Я только на общие вопросы могу ответить. А по конкретным делам приходите позже.

Шестова бесили подобные работники. По его мнению, если не компетентен – не занимай место! Но, следовало налаживать контакт и пришлось подстраиваться под эту «девицу».

– Так я и обращаюсь как раз по общим вопросам, самым простым. Думаю, вы мне обязательно сможете помочь. Моё имя – О-стап, а вас как зовут?

– Вот только не нужно ехидничать! Тоже мне Бендер нашёлся! Говорите сразу, чего вам надо, а то начинают... лишь бы изобразить из себя невесть кого!

– Причём здесь Бендер?! Моя мама назвала меня Остапом, потому что обожала Мандельштама, – специально выделил по слогам последнее слово Шестов.

Девушка оторопело разинула рот и произнесла растерянно:

– Мандель... кого?.. А-а, так ведь Мандельштама звали Осипом.

– Разумеется, просто мама могла перепутать: то война, то целина, то ещё какие катаклизмы. – Девушка оставалась непробиваемой, и Олег продолжил извергать беспорядочный поток словесной чепухи. – В жизни много случается неразберихи, поспешных решений, непонимания и враждебности. Кто, как не газетчики, могут утихомирить страсти или напротив – раздуть пламя?! Так пойдите ж мне навстречу, успокойте добрым словом, выведите меня из тупика неведения. – Ничего не помогало расшевелить её на доверительную беседу. «Пора переходить на лирику!» – подумал Шестов и сменил тональность. – Вы какого поэта любите? Давайте, прочту вам что-нибудь из классики. – Не дожидаясь ответа, глядя ей прямо в глаза, начал декламировать: – «Глаза колдуньи, только вы смутить сумели гордеца! Пусть не склонил он головы, и пусть не спрятал он лица, но всё ж заметно стало всем его смятение на миг, и что не гордый он совсем, и что он в жизни – ученик!»

Ожидаемого эффекта не последовала: сотрудница с неизменно серьёзным и сосредоточенным выражением лица «приземлила» его:

– Это стихотворение вы прочли в нашей газете!

– От этого оно же не перестало считаться классикой.

– Какая классика?! Стихи местного поэта.

– Только подтверждение: и в наши дни рождаются классики! Сегодня он местный поэт, а завтра – лауреат Нобелевской премии!

Девушка вздохнула, покачала головой в стиле «ну, вы меня достали!» и полностью сосредоточила внимание на нём.

– Спрашивайте.

Переход от болтовни к делу оказался для Шестова неожиданным, и он с полминуты настраивался, пока не определился, с чего начать.

– Ваша корреспондент Анна Корвет... она, чувствуется, очень добрый человек: пишет о воспитании детей – нужное дело. Да!.. Вот как бы с ней побеседовать когда-нибудь. Ну, это так, не к спеху. К слову пришлось... А Котов на какие темы больше пишет? Что он считает особенно важным в современном мире и в жизни города? Вот с ним бы лучше познакомиться. Серьёзный, видать человек? Он солидного возраста?

– Не знаю. Я с ним не знакома.

– Вы что же недавно здесь начали работать?

– Да как недавно? – пожалала она плечами. – Приходят, уходят, мне ничего не говорят: куда, зачем. Сегодня редактор сказал только, что будет после обеда.

– А фамилию редактора вы хоть знаете?

– Рокотов.

– Хоть что-то знаете. Уже прогресс... Ваша газета – это орган какой партии? Ну, или кто её собственники?

– Этого я не знаю.

– А, скажите, что за название такое у газеты, что оно обозначает?

– Читайте внимательней. Там всё написано.

– Вот как: где-то что-то написано, а я не внимательно читаю! Я думаю, что дело в другом! – начал Шестов выходить из себя. – По-моему, вы все тут просто шифруетесь, чтобы никто ничего не знал о подлинной сущности вашей газеты. – Он уже повернулся, чтобы уйти, но вновь внимательно посмотрел на странную сотрудницу, отметив мысленно, что к полненьким шатенкам нужен был другой подход. Бейджик с её именем заметил раньше, когда занимался болтовнёй, лишь сейчас имя отобразилось в сознании. – Тоже Лариса? – непроизвольно сказал он вслух. – Итак, Рокотов будет после обеда, – рассеянно погрузился Шестов в свои мысли и не прощаясь направился к выходу.

Лариса внимательно посмотрела ему вслед и взяла в руки вибрирующий телефон. После непродолжительного разговора она выбежала на улицу. Шестов как раз вставал с лавочки у соседнего подъезда. Девушка подошла ближе и, разглядывая его внешность, сказала:

– Послушайте, Остап, или как вас там? Редактор после обеда не придёт – уезжает на несколько дней.

Шестов молча кивнул и энергично направился прочь.

Глава стучащих колёс

Антон говорил по телефону с Надеждой. Услышал её голос и опять испытал новое впечатление от общения. Казалось, тембр голоса таит некую таинственность и недосказанность, в то же время передаёт теплоту её отношения к собеседнику, симпатию. Антон словно увидел её наяву, идущую по аллее навстречу, пронизанную солнечными лучами. Лирический настрой привёл к рассеянности, отчего начало фразы не отразилось в сознании.

– ... Всё устраивает. Единственное, что хотелось бы предложить, напишите о благотворительности, конкретно о людях, выставляющих её напоказ, – струился нежной мелодией голос Надежды.

– Да, об этом тоже можно и нужно, – согласился Антон и, неожиданно для себя, спросил: – А когда в наш город собираешься приехать?

Надежда не придавала значения обращению к ней не на «вы», во всяком случае, интонация голоса не изменилась. Она ответила просто:

– Сейчас другие планы. А вам желаю дальнейших успехов. Надеюсь, у вас всё будет хорошо. – Она помолчала и добавила любезно и даже ласково: – До свидания, Антон!

– До свидания.

Он шёл и размышлял о том, что чувствует к Надежде чуть больше, чем симпатию, и что она как-то иначе, чем при знакомстве, говорит с ним. «А может, я напридумывал любезности в её голосе, а также свои эмоции? – говорил он сам себе, а в противовес этим мыслям сказал вслух: «Да нет! Я взрослый мужчина!» Он, витая в мечтах, не замечал никого вокруг, а между тем навстречу шла незнакомая женщина, которая от его громкого заявления аж отпрянула в сторону, но быстро отреагировала:

– Конечно взрослый! Кто бы сомневался!

– Извините, – смутился Антон и едва не покраснел.

Он шёл на вокзал – захотелось съездить к родственникам. После «оплошности» ускорил шаги, но быстро утомился, к тому же спешить не стоило: времени достаточно. Умерил пыл и стал размышлять о «благотворителях». Очень скоро определился, о ком будет писать.

На вокзале приобрёл билет, прошёлся по киоскам. Не нашёл ничего лучшего и купил номер своей газеты, чтобы «посмотреть со стороны».

Ехать предстояло два часа. В таких непродолжительных поездках он предпочитал боковое место плацкартного вагона. Расположился, повертел в руках газету, но рассматривать не стал. За окном пейзаж менялся с нарастающей быстротой. Антона занимали мысли, навеянные общением с друзьями. «Обдуманно пиши, не переусердствуй, когда затрагиваешь конкретных личностей: злопамятных людей хватает! – предостерегали они. Антон лишь отшучивался: «Я личностей не трогаю, только людишек».

Рядом остановилась женщина, поставила сумку на сиденье.

– Вроде моё, сорок четвёртое.

– Правильно, – уточнил Антон, оборачиваясь к ней. Он сразу догадался, что ему предстоят два часа затруднительного общения: во-первых, женщина одинаково смотрелась и на тридцать, и на пятьдесят лет, во-вторых, у неё слишком шустрые глаза.

– Вам долго ехать? – спросила она. – Это я к тому, что не люблю спать на верхней полке.

– Всего два часа, так что скоро исчезну.

– Исчезать не надо! Вы, наверняка, кому-то дороги! – театрально изрекла попутчица, наблюдая за произведённым впечатлением. Не заметив ожидаемой реакции, вернулась к началу разговора. – После вас появится другой пассажир, и с ним, возможно, будет нелегко договориться поменяться местами. А с вами, я чувствую – без проблем. Так ведь?

В ответ Антон изобразил жестами нечто, похожее по его разумению, на «о чём разговор!»

Женщина заметила, что попутчик больше смотрит в окно, чем на неё и решила поменять тактику.

– Газету вашу можно посмотреть?

– Да-да, конечно, – рассеянно, но всё же любезно, отозвался Антон.

Пассажирка разглядывала «Эру» долго: часто переворачивала страницы, возвращалась к уже просмотренному – создавалось впечатление, будто она изучает газету. При этом она не забывала вертеть головой по сторонам и смотреть, в том числе, и на соседа. Наконец она, видимо, «созрела» для дальнейших действий. Отложила газету и решительно протянула руку для знакомства.

– Анна Корвет, корреспондент этой самой газеты. А вы читали уже? – поспешно спросила она.

Антон настолько опешил, услышав имя соседки, что у него едва не вырвались слова возмущения, но быстро среагировал, как лучше ответить.

– Нет ещё, не успел, – схитрил он.

– Ой, извините, что отобрала у вас. Просто не терпелось посмотреть номер – я не видела свой материал в печати. – Помолчала пять секунд. – Вот прочтёте и увидите моё имя, а я – вот она.

Антон тем временем совладал со своими эмоциями. Мелькнула мысль: «Уж не проверяет ли она мою причастность к газете? Ведь это теоретически возможно».

– Это уже интересно, – сказал он, хотя фраза предназначалась больше ему, чем ей. – А меня зовут Антон, – решил не выдумывать на этот раз.

– Да, Антон, – очень приятно! – вставила она любезность, – это действительно интересно – работать в газете: бываешь на разных предприятиях и учреждениях, знакомишься со многими интересными людьми, путешествуешь по стране.

– И куда же вы сейчас путешествуете? – удивился Антон недалёковидности псевдо-Анны: газета – городская, и этим ограничивается круг её интересов по части поездок, не говоря уж о путешествиях.

– В Москву. Приглашена на совещание в комитет по вопросам молодёжной политики. Я как раз освещаю вопросы воспитания, образования.

«Да! Языком чесать умеет! А кто ж она на самом деле, и зачем ей этот трёп? – активизировались мысли Антона. – Надо как-то выведать».

– А вы всегда одна ездите? Вроде и оператор бывает у корреспондентов.

– Ну что вы! Какой оператор! Я только пишу, съёмкой не занимаюсь. Мы ведь не телевидение.

Антон решил играть в открытую:

– А каков ваш главный редактор в общении? Вы с ним сработались? Извините, если вопрос кажется неуместным.

– Никакого секрета, потому как... – Соседка замолчала из-за телефонного звонка, звывавшего из её сумочки. – Минуточку, извините, отвечу, – говорила она односложно, нащупывая телефон в сумке. Вагон дёргался на крутом повороте, затрудняя её поиски.

«А мелодия больше под стать подростку, чем взрослой женщине. Хотя, примитивной эту Анну не назовёшь», – рассуждал Антон.

Попутчица достала телефон, встала, глянула на собеседника и объяснила:

– Пойду в тамбур, поговорю: неудобно напрягать чужое внимание.

Антон стал глядеть в окно, не обратив внимания в какую сторону она пошла. Через минуту-другую пришла спонтанная мысль: «А не сходить ли мне в ресторан?» Он быстро поднялся по велению неосознанно зародившейся идеи. Посмотрел по сторонам. «Направо ближе к тамбуру», – определил он. Возле туалета стояли двое в ожидании, поэтому Антон не стал стоять у двери в тамбур в надежде подслушать разговор. Потихоньку открыл дверь – никого.

Постоял в тамбуре полминуты и вернулся в вагон. Прошёл к другому выходу. У дверей проводника туалет, как правило, закрыт, поэтому здесь редко кто стоит. Антон осторожно приоткрыл дверь в тамбур и услышал достаточно громко произнесённую фразу: «Пока не знаю...» Анна краем глаза заметила постороннего и оборвала разговор. Повернулась и, увидев Антона, вопросительно замерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.